

мир приключений и тайн

О. Генри

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ



Мир приключений и тайн

О. Генри

Вождь краснокожих

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

О. Генри

Вождь краснокожих / О. Генри — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», — (Мир приключений и тайн)

ISBN 978-966-14-3982-4

В книгу вошли рассказы известного американского писателя О. Генри, признанного мастера новелл с неожиданными развязками. В его историях неиссякаемое остроумие сочетается с тонкой наблюдательностью и любовью к людям. Герои благородны и романтичны, изобретательны и находчивы, оптимистичны и жизнелюбивы и находят выход из любой ситуации!

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

ISBN 978-966-14-3982-4

© О. Генри
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Арестант № 34 627	6
Из сборника «Благородный жулик»	8
Персональный магнетизм	8
Трест, который лопнул	15
Деревенские забавы	21
Кафедра филантроматематики	25
Рука, терзающая мир	30
Супружество как точная наука	34
Стриженный вол	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

О. Генри

Вождь краснокожих

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

* * *



Арестант № 34 627

История мировой литературы знает не так уж много имен подлинных мастеров короткого рассказа. Среди них такие прославленные имена, как Антон Чехов, Акутагава Рюноскэ, Орасио Кирога, Стивен Кинг, сюда же с полным правом причисляют и Уильяма Сидни Портера, избравшего для себя литературный псевдоним О. Генри (1862–1910).

Короткий рассказ – это вовсе не малозначительный литературный жанр, наоборот: многие авторы пробовали себя в нем, но мало кому удавалось добиться успеха. Несколько страничек, вмещающие в себя коллизии целой жизни, с выпукло очерченными героями и яркими характерами, с тонким юмором и глубокими чувствами, полные неожиданностей и сюжетного остроумия, – это «высший пилотаж» литературы, отточенное мастерство, точная и правдивая передача реальности, простота и блеск стиля, что называется, «в одном флаконе».

Что касается знания жизни, то Биллу Портеру его было не занимать. За неполные 48 лет, насыщенных драматическими событиями, он повидал и пережил все, что судьба могла уготовить человеку из низов в Америке конца XIX в. Осиротевший в три года, он воспитывался под опекой тетки по отцу, учился, чтобы стать фармацевтом, и одновременно работал в аптеке, которой владел его дядя. А спустя несколько лет будущий писатель отправился в Техас, где перепробовал множество профессий и занятий: работал на ранчо, служил в земельном управлении, был кассиром и счетоводом в банке. В 1894 г. Портер начал издавать в техасском городе Остин юмористический еженедельник «Роллинг Стоун», почти полностью заполняя его страницы собственными очерками, миниатюрами, шутками, стихами и даже рисунками. Журнал просуществовал всего год, а затем произошло событие, которое коренным образом изменило жизнь его издателя.

В банке, где по-прежнему работал Билли Портер, обнаружилась недостача. Дело было накануне ревизии, и искать подлинного виновника было уже некогда. Стало ясно, что всю вину возложат на кассира. Билли не стал дожидаться обвинений и предпочел скрыться, оставив в Остине молодую жену. Сначала он переезжал из города в город, прячась под вымышленными именами, а затем махнул через мексиканскую границу.

Так начались его скитания по Центральной и Южной Америке, где Портер оказался среди янки-авантюристов, промышлявших различными сомнительными способами среди доверчивых туземцев. В 1898 г. его догнало известие о тяжелой болезни жены, и он без промедления вернулся в США. К несчастью, жена уже умерла, и не успел умолкнуть голос священника, который вел заупокойную службу, как Портер был арестован, осужден и препровожден в тюрьму города Коламбус (штат Огайо), где и провел следующие три года как заключенный № 34 627.

В тюрьме Уильям Портер работал в лазарете и тюремной аптеке, тогда же он начал писать рассказы – совсем иного содержания, чем те, что когда-то печатались в его журнале: тонкие, пронизанные грустной иронией, с неожиданными развязками. Их героями стали те, с кем он жил бок о бок, – люди американского дна, бродяги, жулики, мошенники и мелкие гангстеры. Первый из этих рассказов – «Рождественский подарок Дика-Свистуна» – был опубликован в популярном журнале «Мак-Клурз Мэгезин» в 1899 г. под псевдонимом О. Генри. Подлинное имя автора осталось неизвестным редакции, а гонорар за рассказ, полученный заключенным, был истрачен на рождественский подарок его единственной дочери, воспитывавшейся у дальних родственников.

Однако судьба готовила писателю новый сюрприз – на сей раз куда более приятный. Читатели заметили нового автора, и уже к моменту выхода на волю таинственный О. Генри, присылавший свои рассказы в редакции через третьих лиц, пользовался известностью, а

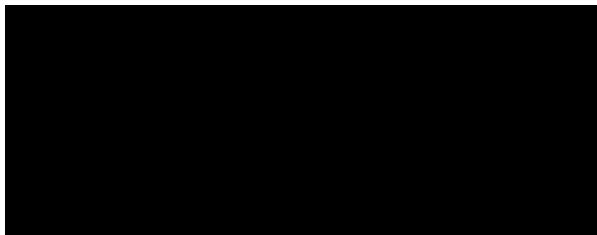
издатели буквально охотились за ним. Но еще в течение двух лет он оставался в тени и лишь в 1903 г. приехал в Нью-Йорк, где один из крупных журналов предложил ему контракт – писать по рассказу в неделю.

Так перестал существовать арестант № 34 627, он же Уильям Сидни Портер, и родился выдающийся американский писатель О. Генри.

Его литературное наследие составляет 18 томов – это 273 рассказа и роман «Короли и капуста». Незадолго до смерти от тяжелой болезни сам О. Генри утверждал: «Все, что я писал до сих пор, это просто баловство, проба пера, по сравнению с тем, что я напишу через год». И эта самооценка оказалась совершенно неверной: свое исключительное место в истории литературы начала XX в. писатель занял как блистательный мастер «малого» жанра, создатель уникальных сюжетов, великолепных диалогов и неожиданных финалов, в которых зазвучали голоса всей Америки – от миллионеров и политиков до прачек, мелких спекулянтов и клерков. Но главное в этих рассказах даже не сюжеты, а теплота и подлинная человечность, которые чувствуются буквально в каждой строчке, вышедшей из-под его пера.



Из сборника «Благородный жулик»



Персональный магнетизм

Джефф Питерс владел самыми разнообразными способами добывания денег. Их у него имелось примерно столько же, сколько в Южной Каролине рецептов блюд из риса.

Мне нравилось слушать его рассказы о тех временах, когда он был молод, торговал вразнос мазями от ревматизма и порошками от кашля, голодал и порой ставил на кон последний медяк, чтобы сыграть в кости с судьбой.

– Заявился я как-то в поселок Фишермен Хилл в Арканзасе, – рассказывал он. – Были на мне штаны из оленьей замши, мокасины, длинные волосы, а на пальце – перстень с брильянтом размером с лесной орех, который я получил от одного актера в Тексаркане в обмен на перочинный ножик.

В ту пору я звался доктором Вуф-Ху, знаменитым индейским знахарем и целителем, и в руках у меня не было ничего стоящего, кроме одного снадобья – «Воскрешающей настойки». Состояла она из трав, будто бы открытых супругой вождя племени чокто по имени Та-ква-ла. Красавица собирала зелень, чтобы украсить традиционное блюдо, подаваемое во время праздника Кукурузы, – и наткнулась на эту траву.

В городишке, где я побывал до того, дела шли хуже некуда: у меня оставалось каких-то пять долларов. Поэтому, прибыв в Фишермен Хилл, я отправился в аптеку и взял займы сотню склянок. Этикетки и прочие припасы лежали у меня в чемодане. Я снял номер в гостинице, где имелись раковина и кран, и вскоре склянки с «Воскрешающей настойкой» начали выстраиваться передо мной на столе. Жизнь снова показалась мне вполне приемлемой.

Жульничество? Ни в коем случае, сэр. Ведь там была не только вода. Я честно добавил в нее хинина на два доллара и на десять центов безвредного красителя. Спустя много лет, когда я снова побывал в тех краях, люди досаждали мне просьбами продать им еще порцию-другую волшебного средства.

Ближе к вечеру я раздобыл тележку, выкатил ее на Мэйн-стрит и приступил к торговле. Надо вам знать, сэр, что Фишермен Хилл расположен в болотистой и крайне нездоровой местности. Оттого и настойка моя шла бойко, как сэндвичи с ветчиной на вегетарианском обеде. Я успел распродать дюжины две склянок по полдоллара за штуку, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет меня сзади за полу.

Мне ли не знать, что это означает! Недолго думая, я сунул бумажку в пять долларов в лапу субъекту с серебряной звездой на груди.

– Шериф¹, – говорю, – чудный нынче выдался вечерок!

А он в ответ:

¹ Должностное лицо в США, выполняющее административные и отдельные судебные функции. (Здесь и далее прим. ред.)

– Имеется ли у вас патент городских властей на право продажи отравы, которую вы нахально зовете лекарством?

– Нет, разумеется, – говорю я, – так ведь я и не знал, что это город. Раз так – завтра же позабочусь о патенте.

– Ну а пока я вынужден прикрыть вашу коммерцию, – заявляет полисмен.

Я свернул торговлю, а по возвращении в гостиницу рассказал ее хозяину о том, что случилось.

– Да уж, – говорит он. – Тут у нас развернуться вам не дадут. А знаете почему? Зять мэра доктор Хэскинс – единственный врач на весь город, и мэр не допустит, чтобы какой-то самозванец отбивал у него пациентов.

– Так ведь я же не занимаюсь медициной, – говорю. – У меня разрешение от правительства штата на розничную торговлю, а когда местные власти требуют особый патент, я просто плачу за него, и все.

Наутро я отправляюсь в офис мэра, но мне говорят, что он еще не появлялся и когда появится – совершенно неизвестно. Так что доктору Вуф-Ху приходится снова вернуться в гостиницу, усесться поудобнее, раскурить сигару и ждать.

Вскоре подсаживается ко мне молодой человек приятной наружности в синем галстуке и живо интересуется, который час.

– Половина одиннадцатого, – отвечаю, – а вы – Энди Таккер. Мне известны кое-какие из ваших делишек. Например, «Универсальная посылка Купидона», которой вы пробавлялись на Юге. Дайте припомнить, что там было... Ага, кольцо для помолвки с перуанским брильянтом, обручальное кольцо, терка для картофеля, флакон успокаивающих капель и портрет Дороти Вернон². Все вместе – полдоллара.

Энди был польщен. Талантливый мошенник, он относился к своему ремеслу с уважением и ограничивался тремястами процентами чистой прибыли. Ему не раз предлагали перейти на контрабанду или торговлю наркотиками, но еще никому не удавалось сбить его с толку.

Мне как раз требовался компаньон. Мы переговорили и быстро пришли к решению поработать в паре. Я поведал о положении дел в Фишермен Хилл и о трудностях в торговой политике ввиду вторжения в нее местной касторки.

Энди прибыл с утренним поездом и еще не успел толком осмотреться. Его дела тоже шли не блестяще, оттого он и намеревался начать здесь сбор пожертвований на постройку нового броненосца в городе Эврика-Спрингс, который, как хорошо всем известно, расположен в пятистах милях от ближайшего побережья. Словом, нам было о чем серьезно потолковать, и мы отправились прогуляться...

На следующий день в одиннадцать утра, когда я сидел в номере, ломая голову, как подступиться к городским властям, является ко мне какой-то чернокожий с просьбой, чтобы знаменитый индейский доктор пожаловал к судье Бэнксу – тот внезапно тяжело захворал. Заодно выясняется, что мистер Бэнкс не только судья, но и исполняет обязанности мэра.

– Я не доктор, – отвечаю я этому дядюшке Тому, – почему бы вам не позвать настоящего доктора?

– Ах, сэр, – гнет свое чернокожий, – доктор Хэскинс уехал из города за двадцать миль³... его вызвали к больному. Другого врача здесь нет, а судья Бэнкс плох, очень плох... Пожалуйста, не отказывайтесь, а не то не сносить мне головы.

– Как добрый христианин, я, пожалуй, готов повидаться с мистером Бэнксом, – говорю я, кладу в карман флакон «Воскрешающей настойки» и направляюсь к особняку мэра.

² Героиня одноименного фильма с участием Мэри Пикфорд.

³ Единица длины, распространенная в США и равная 1,609 км.

Отличный дом: мансарда, черепичная кровля, сад и две чугунные собаки на лужайке перед входом.

Мэра Бэнкса я застаю в постели; из-под простыни торчат только растрепанные бакенбарды да пятки. При этом он издает такие звуки, что, будь это в Сан-Франциско, я бы решил, что снова началось землетрясение. У постели больного топчется молодой человек с чашкой воды в руках.

– Доктор, – лепечет мэр, – я невыносимо страдаю... Часы мои сочтены. Не могли бы вы хоть чем-нибудь облегчить мои мучения?



— Я не могу назвать себя верным учеником Гиппократа.
Я пришел просто... выразить сочувствие,
(Персональный магнетизм)

— Сэр, — говорю, — я не могу назвать себя верным учеником Гиппократа. Я не изучал медицину в университете и пришел просто как человек к человеку выразить сочувствие.

– Я глубоко признателен вам, – отвечает больной. – Доктор Вуф-Ху, это мой племянник, мистер Бидл... Он пытался помочь мне, но безуспешно. О Господи! А-а-а!.. – внезапно завопил он.

Кивнув мистеру Бидлу, я присаживаюсь и пытаюсь нащупать пульс больного.

– Позвольте взглянуть на ваш язык, – говорю я ему, а затем оттягиваю веко и обстоятельно исследую глазное яблоко. – Когда это началось? – спрашиваю сурово.

– Меня схватило... ох, ох... вчера вечером, – отвечает мэр. – Дайте же мне наконец чего-нибудь, доктор, спасите ближнего!

– Мистер Фидл, – говорю я, – приподнимите-ка штору на окне!

– Не Фидл, а Бидл, – поправляет меня молодой человек.

– Сэр, – говорю я, приложив ухо к спине больного и якобы прислушиваясь, – вы подхватили крайне серьезное супервоспаление клавикулы эпикордиала.

– Господи праведный! – стонет он, – нельзя ли что-нибудь втереть, вправить или вообще что-нибудь?

Я беру шляпу, разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

– Куда же вы? – голосит мэр. – Не бросите же вы меня умирать от этих эпикордиалов?

– Только из сострадания к ближнему, – встревает этот Бидл, – вы не должны покидать больного, доктор Хуа-Хо...

– Вуф-Ху, – поправляю я, возвратившись к больному.

– Мистер Бэнкс, – говорю, – у вас остался один шанс. Лекарства уже не помогут. Но существует сила, которая стоит всех аптекарских снадобий вместе взятых, хотя ее использование обходится недешево.

– Что же это за сила? – спрашивает он.

– Пролегомены⁴ науки, – отвечаю я. – Победа разума над лакрицей и сарсапариллой⁵. Твердая вера в то, что болезни и страдания существуют только в нашем воображении, а вернее – в нашем подсознании! И я могу вам это продемонстрировать!

– О каких таких пролегоменах вы толкуете, доктор? – хрипит мэр. – Вы, случайно, не анархист?

– Я говорю о великой доктрине психического воздействия, о самом передовом методе лечения всех болезней – от абсурда до менингита, о поразительном явлении, известном как персональный магнетизм.

– И вы, значит, способны это проделать, доктор? – спрашивает мистер Бэнкс.

– Я один из членов синедриона⁶ Внутреннего Храма, – говорю я. – Хромые начинают говорить, а слепые ходить, как только я начинаю свои пассы⁷. Я – известный медиум и гипнотизер. На сеансах в Анн-Арбор только при моем посредстве покойный председатель тамошнего акционерного общества «Лесоторговля Морли» мог возвращаться на Землю для бесед со своей сестрой Джейн. И хотя в настоящее время я продаю лекарства для бедных и не занимаюсь магнетической практикой, на то есть причина: я не желаю унижать свое высокое искусство грошовой оплатой – много ли возьмешь с бедноты!

– Возьметесь ли вы вылечить меня магнетизмом? – спрашивает мэр.

– Сэр, – говорю я, – повсюду, где мне случается бывать, я сталкиваюсь с затруднениями со стороны официальной медицины. Поэтому я не занимаюсь практикой, но ради спасения человеческой жизни... Пожалуй, я рискну, но при одном условии: вы, как мэр, не станете обращать внимания на отсутствие у меня патента.

⁴ Рассуждения, формулирующие исходное понятие.

⁵ Растения, используемые в медицине.

⁶ В Древней Иудее высшее религиозное учреждение, а также высший судебный орган.

⁷ Однообразные медленные движения руками над лицом больного при введении его в состояние гипноза.

– О чем речь! – говорит он. – Только приступайте поскорее, доктор. Я чувствую, как снова начинается приступ жестоких болей!

– Мой гонорар составляет двести пятьдесят долларов, – говорю я, – излечение потребует двух сеансов.

– Отлично, – говорит мэр, – я готов заплатить. Моя жизнь стоит этих денег.

Я снова сел у изголовья кровати и принялся сверлить его взглядом.

– А сейчас, сэр, – сказал я, – постарайтесь отвлечься от вашей болезни. Вы совершенно здоровы. У вас нет ни сердца, ни суставов, ни желудка, ни печени – буквально ничего. Вы не испытываете ни малейшей боли. Признайтесь – ведь вы ошибались, считая себя больным. И вот боль, которой вы никогда не испытывали, улетучивается из вашего тела.

– Черт возьми, доктор, мне и в самом деле как будто легче, – говорит мэр. – Прошу вас – продолжайте врать, будто я здоров и у меня нет никакой опухоли в левом боку. Похоже, еще немного, и меня можно будет приподнять в постели и подавать завтрак.

Я, как сумел, сделал еще несколько магнетических пассов.

– Вот, – говорю, – воспаление пошло на убыль. И отек правой лопасти перигелия⁸ заметно уменьшился... Теперь вас клонит ко сну. Ваши глаза слипаются. Течение болезни временно прервано. Спать!..

Тут мэр закатывает глаза, опускает веки и начинает храпеть.

– Обратите внимание, мистер Тидл, – говорю я, – на что способна современная наука.

– Бидл, – поправляет меня он. – Когда же состоится второй сеанс для окончательного исцеления дядюшки, доктор Ху-Пу?

– Вуф-Ху, – в свою очередь поправляю я. – Завтра в одиннадцать утра. Когда мистер Бэнкс проснется, дайте ему выпить восемь капель скипида⁹ на стакан воды и два фунта⁹ доброго бифштекса.

С этим я и откланялся.

На следующее утро я прибыл точно в назначенное время.

– Ну, что, мистер Ридл, – осведомился я по пути в спальню, – как себя чувствует ваш дядюшка?

– Мне кажется, ему заметно полегчало, – отвечает молодой человек.

И действительно, цвет лица и пульс у мистера Бэнкса оказались в полном порядке. Я провел второй сеанс, после которого он объявил, что боли окончательно улетучились.

– Превосходно, – говорю я, – теперь вам следует денек-другой провести в постели, и вы будете полностью здоровы. Вам повезло, что я оказался в Фишермен Холл именно в это время, так как никакие средства, применяемые официальной медициной, уже не смогли бы вас спасти. Теперь же, когда окончательно доказано, что ваша болезнь – всего лишь результат самовнушения и не больше, поговорим о более приятных вещах – например, о моем гонораре. Сразу предупреждаю: чеки я не принимаю, только наличные.

– Разумеется, – мэр извлекает из-под подушки бумажник, отсчитывает пять пятидесятидолларовых бумажек, однако продолжает держать их в руке. – Бидл, – говорит он, – возьмите у доктора расписку в получении.

Я царапаю расписку, и мэр вручает мне деньги, которые я прячу в потайной карман.

– А теперь делайте свое дело, сержант, – произносит мэр, ухмыляясь, как вполне здоровый.

И мистер Бидл опускает руку мне на плечо:

– Вы арестованы, доктор Вуф-Ху, он же Джефф Питерс, – говорит он, – за незаконные занятия медициной в соответствии с законами этой страны.

⁸ Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты.

⁹ Единица массы, в США равна 453 г.

– Кто вы такой? – потрясенно спрашиваю я.

– Я вам сейчас сообщу, – говорит мэр, усаживаясь на кровати без посторонней помощи. – Мистер Бидл – сыщик, работающий на Медицинское общество штата. Он шел по вашему следу в пяти округах и явился ко мне третьего дня с просьбой о помощи. Мы вместе разработали план, как взять вас с поличным. Думаю, отныне ваша шарлатанская практика в наших краях закончилась раз и навсегда, мистер проходимец. Ха! Какую бы болезнь вы ни нашли у меня, это точно не размягчение мозга!

– Вот оно что! – говорю я. – Значит, сыщик?

– Так точно, – отвечает Бидл. – И моя обязанность – без промедления сдать вас шерифу округа.

– Ну, это еще как сказать! – тут я хватаю этого Бидла за горло и едва не выбрасываю из окна.

Он, однако, выхватывает револьвер, сует ствол мне под челюсть, и мне ничего не остается, как уgomониться. Затем он защелкивает на моих запястьях наручники, обыскивает меня и извлекает из моего потайного кармана только что полученные деньги.

– Свидетельствую, – заявляет он, – что это те самые банкноты, номера которых мы с вами переписали, мистер Бэнкс. Я передам их шерифу, и он немедленно пришлет вам расписку. Они будут фигурировать в суде в качестве вещественного доказательства.

– Не возражаю, мистер Бидл, – ухмыляется мэр. – А вы, доктор Вуф-Ху, почему не воспользуетесь своим персональным магнетизмом, чтобы избавиться от наручников?

– Пошли, сержант, – говорю я, не теряя достоинства. – Делать, видно, нечего.

А уже в дверях поворачиваюсь к мистеру Бэнксу и, потрясая закованными руками перед собой, произношу:

– Что бы вы там ни говорили, сэр, а близко то время, когда вы сами убедитесь, что персональный магнетизм – огромная сила. Вы даже не представляете, насколько огромная. И она, так или иначе, победит.

Чистая, между прочим, правда, – магнетизм победил. Как только мы вышли за ворота, я говорю сыщику:

– А теперь, Энди, сними-ка с меня эти железяки, а то на нас прохожие таращатся...

Ну да, конечно, это был ни кто иной, как Энди Таккер. И весь этот спектакль был его изобретением.

Вот так мы и раздобыли денег на развитие совместного бизнеса.

Трест, который лопнул

– Н-да, всякий трест имеет слабое место... – однажды задумчиво заметил Джефф Питерс.

– Довольно бессмысленное утверждение, – отозвался я, – вроде того, как сказать: «Все полисмены носят фуражки».

– Ничего подобного, – возмутился Джефф. – Между полисменом и трестом нет никакого сходства. То, что я сказал, – это, в каком-то смысле, квинтэссенция¹⁰. А суть ее в том, что трест хоть и похож на яйцо, но в то же время и не похож. Когда хочешь разбить яйцо, бьешь снаружи. А трест... его можно разрушить только изнутри. Сидишь себе мирно, а тем временем птенчик раз – и вдребезги разнесет всю скорлупу! Да, сэр, каждый трест носит в себе семена собственной гибели – как тот член республиканской партии, который решится выставить свою кандидатуру в губернаторы Техаса...

Я в шутку поинтересовался, не доводилось ли Джеффу на протяжении его пестрой, полосатой и клетчатой карьеры возглавлять предприятие, которое могло бы назваться трестом. И, к моему удивлению, он не отрекся от столь тяжкого греха.

– Только однажды, – с горечью признал он. – И еще никогда печать штата Нью-Джерси не скрепляла документ, который позволял бы более законным способом грабить ближних. Все было нам на руку – время, вода, ветер, полиция, полная монополия на ценный продукт, крайне необходимый потребителям. При этом ни один борец с монополизмом не сумел бы найти в нашей затее ни малейшего изъяна. В сравнении с ним нефтяные делишки Рокфеллера могли показаться керосиновой лавчонкой в захолустье. И все-таки мы обанкротились.

– Какие-нибудь неожиданные препятствия? – поинтересовался я.

– Нет, сэр. Все случилось именно так, как я уже сказал... Мы сами себя погубили. Чистой воды самоликвидация. Яблочко оказалось с гнильцой.

Я ведь уже рассказывал, что мы несколько лет подряд работали вместе с Энди Таккером. А он был мастер на всякие ухищрения и каждый доллар в руке у кого бы то ни было воспринимал как личное оскорбление, если не мог им завладеть. Вдобавок Энди имел образование, и полезных сведений в голове у него скопилось прорва. Он мог часами говорить на любую тему хоть с университетской кафедры. И не существовало такой аферы и мошенничества, которые он бы не испробовал. Взять хотя бы его лекции о Палестине, которые Энди сопровождал демонстрацией снимков съезда закройщиков в Атлантик-Сити. Или поставки в Коннектикут целого океана поддельного спирта, добытого якобы из мускатных орехов...

Словом, однажды весной нам с Энди случилось побывать в Мексике, потому что один бизнесмен из Филадельфии заплатил нам две с половиной тысячи долларов за половину акций¹¹ серебряного рудника в Чиуауа... Да нет, рудник-то и в самом деле существовал, с этим все было в порядке. Вторая половина акций стоила как минимум двести или триста тысяч долларов, да только я и по сей день не знаю, кому на самом деле принадлежал тот рудник.

На обратном пути, уже в Соединенных Штатах, мы с Энди застряли в одном городишке в Техасе, на берегу Рио-Гранде. Назывался он Бердстаун, то есть Птичий Город, но обитали там далеко не птицы небесные. Две тысячи душ, в основной массе мужчины. Иные из них занимались скотом, иные – резались в карты, иные барышничали лошадьми, ну а прочие подрабатывали контрабандой. Мы поселились в гостинице, которая представляла собой

¹⁰ Самое главное, важное, наиболее существенное.

¹¹ Ценная бумага, дающая право на получение части прибыли акционерного общества и на участие в управлении им.

нечто среднее между книжным шкафом и дырявой оранжереей, и едва устроились в номере, как хлынул дождь. Словно кто-то там, наверху, отвернул все краны.

Мы с Энди люди в общем-то непьющие, но в городе было три салуна, и все его жители день-деньской и добрую половину ночи перемещались в этом заколдованном треугольнике. Так что каждый здесь хорошо знал, как распорядиться своими деньгами.

На третий день дождь как будто начал стихать, и мы с Энди выбрались за город полюбоваться природой. Бердстаун лежит между Рио-Гранде и широкой ложбиной, по которой раньше протекала река. И теперь, когда река вздулась от дождей и, казалось, вот-вот выйдет из берегов, дамба, отделявшая ее от старого русла, держалась на честном слове.

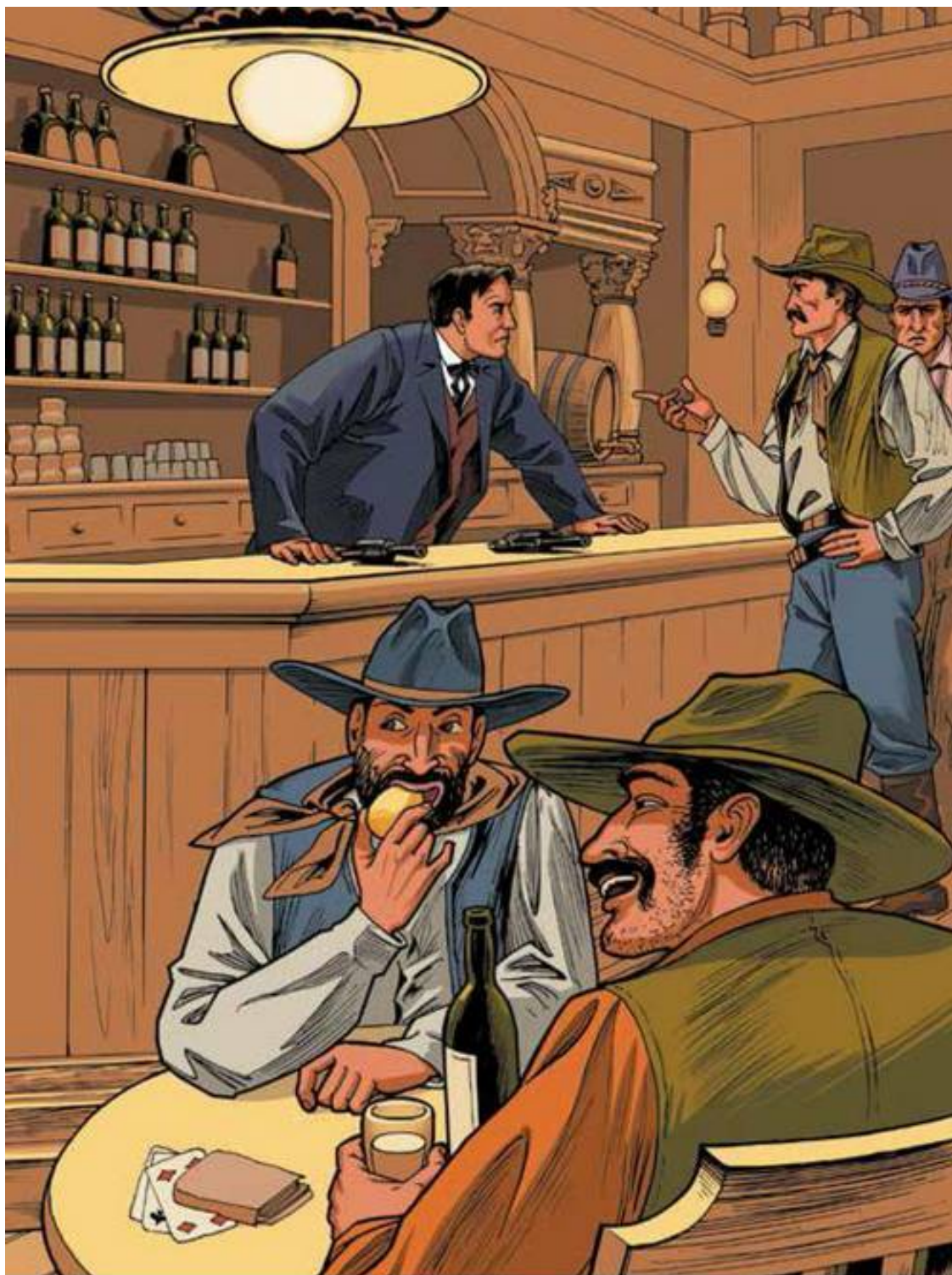
Энди долго разглядывал эту дамбу. Все-таки у этого человека был живой ум. А потом, не сходя с того места, он выдал гениальную идею. Тут-то мы и основали трест, а потом вернулись в город и взялись за дело.

Для начала мы отправились в самый просторный салун, который назывался «Блю Снейк», и купили его с потрохами. Это обошлось нам в тысячу двести долларов. Потом заглянули в бар мексиканца Джо, потолковали о погоде и приобрели его за пятьсот. Третий нам уступили всего за четыреста.

Продрав глаза на следующее утро, Бердстаун обнаружил, что превратился в остров. Рио-Гранде сокрушила дамбу и ринулась в старое русло, город был со всех сторон окружен ревущими потоками воды. А дождь лил без передышки; на северо-западе висели тяжелые тучи, обещавшие, что в ближайшие две недели погода не переменится. Но не это было главной бедой.

Бердстаун выпорхнул из гнезда, почистил перышки и попрыгал за утренней выпивкой. Однако бар мексиканца оказался закрытым, второй – тоже. Тут из всех глоток вырвался неистовый крик изумления и жажды, и горожане толпой кинулись в «Блю Снейк».

И что же перед ними предстало?



*За стойкой восседает Джефф Питерс, и он в любую минуту готов дать сдачи либо монетой, либо пулей.
(Трест, который лопнул)*

За стойкой восседает Джефф Питерс, с виду – прожженный спрут-эксплуататор, справа от него кольт и слева кольт, и он в любую минуту готов дать сдачи либо монетой, либо пулей.

В заведении орудуют три бармена, а на стене плакат в десять футов: «Каждая выпивка – доллар». Энди сидит на кассе, на нем шикарный костюм, в зубах сигара, вид у него настороженный. Тут же околачивается начальник городской полиции с двумя полисменами: трест посулил всем стражам порядка бесплатную выпивку.

Итак, сэр, не прошло и четверти часа, как Бердстаун сообразил – ловушка захлопнулась. Мы ожидали бунта, но как-то все обошлось. Горожане знали: деваться им некуда. До ближайшей железнодорожной станции тридцать миль, а вода в реке спадет не раньше чем недели через две, и до той поры о переправе можно только мечтать. Нет, они, конечно, выругались, но вполне учтиво, а потом на стойку посыпались серебряные доллары, да так бойко, будто кто играл на ксилофоне.

В Бердстауне было полторы тысячи взрослых мужчин, способных распоряжаться собой; чтобы не помереть от тоски и безделья, большинству из них требовалось от трех до двенадцати стаканов в день. А салун «Блю Снейк» оставался единственным местом, где они могли их получить. Красиво и просто, как всякая великая идея.

К десяти утра бурный поток долларов, устремившийся в кассу, немного обмелел. Но, выйдя на крыльцо, я обнаружил, что не меньше двух сотен наших клиентов выстроились в хвост перед отделением банка и ссудной кассой. Ясное дело – они хлопочут о новой порции долларов, которые высосет из них наш спрут, или трест, называйте как угодно.

В полдень все разошлись по домам обедать, как и подобает порядочным людям. Воспользовавшись затишьем, мы отпустили барменов перекусить, а сами уселись считать выручку. За это утро мы заработали тысячу триста долларов. И если Бердстаун останется в осаде еще две недели, у нас будет достаточно средств, чтобы подарить ферму каждому добродетельному бедняку в Техасе, если участок земли он оплатит сам.

Энди прямо раздулся от гордости – ведь план-то принадлежал ему. Он слез с несгораемой кассы, раскурил самую длинную сигару, какая только нашлась в салуне, и сказал:

– Джефф, я думаю, что во всем мире не найти кровопийц-эксплуататоров, столь изобретательных по части угнетения трудящихся контрабандистов, как торговый дом «Питерс, Такер и Сатана». Мы просто нокаутировали нашего потребителя. Разве не так?

– Так, – говорю я. – Вот и выходит, что придется нам заняться гольфом или заказать себе шотландские юбочки и отправиться на лисью охоту с гончими. Похоже, фокус с выпивкой удался. И это мне по душе.

Тут Энди наливает себе стаканчик ячменного и отправляет его по назначению. Это была его первая выпивка за все время, что мы с ним работали в паре.

– Вроде как возлияние богам, – говорит он.

Отдав должное идолам коммерции, он опрокинул еще стаканчик – за успех нашего предприятия. А дальше пошло-поехало. Он пил за всю мировую промышленность, начиная от Тихоокеанской железной дороги и кончая всякой мелочью вроде маргаринового концерна, синдиката полиграфистов и федерации шотландских горняков.

– Притормози, Энди, – говорю я ему, – это, конечно, похвально, что ты пьешь за здоровье родственных нам монополий, но смотри, парень, не увлекайся тостами. Ты ведь в курсе, что самые знаменитые и самые ненавидимые миром олигархи и миллиардеры не вкушают ничего крепче жидкого чая с сухариками.

Энди удалился за перегородку, вынырнул оттуда в парадном костюме и снова взялся за виски. Во взгляде у него появилось что-то возвышенное – я бы сказал, горделивый вызов. Ох, и не понравился мне этот взгляд! Я всматривался в Энди с тревогой: как знать, какую штуку выкинет с ним виски? На свете есть две вещи, которые неизвестно чем кончаются: когда мужчина выпьет в первый раз и когда женщина выпьет в последний.

Так он продолжал в течение часа. Нет, снаружи-то он выглядел вполне благопристойно и даже умудрялся сохранять равновесие, но внутри был битком набит сплошными сюрпризами.

– Джефф, – наконец заявляет он мне, – ты знаешь, кто я такой? Я в-в-вулканический кратер, только ж-живой.

– Это, – говорю мрачно, – даже не требует доказательств.

– Да-да, и притом огнедышащий. Из меня так и пышет жар земных недр, а внутри клокочут слова и рвутся наружу. Мириады частей речи буквально рвут меня на части, и я не уймусь, пока не произнесу какую-нибудь историческую речь. Когда я выпью, – добавляет Энди, – меня всегда влечет благородное искусство риторики.

– Хуже не придумаешь, – говорю я, – последнее дело.

– С раннего детства, – гнет свое Энди, – алкоголь пробуждал во мне страсть к декламации. Да что там детство: во время второй избирательной кампании Билли Брайана мне наливали три порции джина и я, бывало, взбирался на трибуну и толковал о денежной реформе на два часа дольше самого кандидата.

– Если тебе приспичило, – говорю я, – ступай к реке и говори, сколько угодно. Помнится, в Древней Греции уже был один такой старый болтун¹², не помню, как его звали, который таскался на берег моря и там надрывал глотку.

– Не годится, – говорит Энди, – мне требуется публика. Я должен собрать аудиторию и унять перед ней свой ораторский позыв, иначе я буду чувствовать себя собранием сочинений в переплете с золотым обрезом, которое годами торчит на пыльной полке.

– А на какую тему ты бы хотел поупражняться? – спрашиваю я. – Есть у тебя хотя бы тезисы?

– Тема? – говорит Энди. – Это совершенно безразлично. Я разбираюсь практически во всем. Могу говорить о русской иммиграции, о поэзии Китса, о новых тарифах, о кабийской литературе или о водосточных трубах, и будь уверен: мои слушатели будут то обливаться слезами, то хохотать.

– Ну что ж, Энди, – говорю я ему, – если уж совсем невтерпеж, ступай и выплесни избыток своей образованности на голову какому-нибудь несчастному обывателю. Мы тут и сами управимся. Горожане скоро покончат с обедом, а солонина с бобами, как известно, вызывает жажду. К полуночи у нас будет еще тысячи полторы.

На этом Энди выходит из салуна «Блю Снейк». Краем глаза я замечаю, что он останавливается на улице каких-то прохожих и вступает с ними в беседу. Не прошло и десяти минут, как вокруг него уже собралась кучка людей, а вскоре я вижу, что он стоит на углу, воодушевленно говорит и размахивает руками, а перед ним уже внушительная толпа.

Потом он повернулся и зашагал, продолжая говорить на ходу. И он повел эту толпу по главной улице, и по дороге к ним приставали все новые и новые прохожие. Больше всего это было похоже на тот старый фокус, когда один парень все упражнялся в игре на дудке и доупражнялся до того, что увел за собой всех детей¹³, какие нашлись в том городе.

Прошел час, потом два и три, а ни одна птичка так и не залетела в наш салун. На улицах пусто, бродят мокрые куры, да изредка женщина пробежит в лавчонку. А между тем дождик начинает утихать.

Наконец какой-то мужчина останавливается у нашего крыльца, чтобы соскрести грязь с сапог.

¹² Имеется в виду Демосфен, один из знаменитейших ораторов античности.

¹³ Имеется в виду легенда о Гамельнском Крысолове. Согласно ей, музыкант, которому власти Гамельна отказались выплатить вознаграждение за избавление от крыс, с помощью колдовства увел за собой всех детей города и погубил их.

– Что происходит, мистер? – говорю я ему. – Не далее как сегодня утром здесь царило безумное веселье, а теперь Бердстаун смахивает на руины Вавилона, где по камням ползает одинокая ящерица.

– Весь город, – отвечает он, – собрался у Сперри на складе шерсти и слушает речь вашего дружка. Умеет парень потолковать насчет всяких там высоких материй.

– Вон оно как, – говорю. – Ну, надеюсь, что он все-таки рано или поздно сделает передышку, потому как от этого страдает бизнес.

А между тем до самого вечера к нам не заглянула ни одна собака. В половине седьмого два мексиканца привезли Энди: он возлежал поперек спины их осла и был пьян, как затычка от бочки с виски. Мы едва уложили его в постель, а он все еще бормотал, отбивался и жестикулировал.

Я запер кассу и отправился выяснять, как было дело. Вскоре навстречу мне попался человек, который и выложил мне всю историю. Оказывается, Энди проговорил два с лишком часа без остановки. Он произнес лучшую речь, какую, если верить этому человеку, когда-либо слышали не только в Техасе, но и во всей вселенной.

– И о чем же он говорил? – уже догадываясь и холодея от ужаса, спросил я.

– О вреде пьянства, само собой, – ответил тот. – И когда он закончил, все жители Бердстауна подписали бумагу, что в течение года не возьмут в рот ни капли спиртного...

Деревенские забавы

Всякий раз, когда просишь Джеффа Питерса рассказать о каком-нибудь из его приключений, он начинает уверять, что его жизнь монотонна и бедна событиями. Но, если незаметно подбросить ему крючок, он обязательно попадается. Поэтому я использую несколько разных наживок, чтобы мой приятель надежно клюнул.

– Сдается мне, – заметил я однажды, – что среди фермеров Запада, при всей их зажиточности, снова наметилось движение в пользу национализации железных дорог.

– Видно, такой сезон, – сказал Джефф, – всюду жизнь. Фермеры куда-то движутся, сельдь и треска сбиваются в несметные косяки, из сосен сочится смола, а на реке Конемо вскрылся лед. Однажды я вообразил, что обнаружил фермера, который хоть немного не похож на своих собратьев. Но Энди Таккер в два счета доказал мне, что я ошибаюсь. «Фермером родился – фермером-простофилей и помрешь, – сказал Энди. – Фермер – это человек, выбившийся в люди вопреки всяким политическим баламутам, котировкам¹⁴ и баллотировкам¹⁵. И я понятия не имею, кого б мы стали надувать, если бы не фермеры».

Однажды просыпаемся мы с Энди поутру, а у нас в кармане всего шестьдесят восемь центов. Дело было в гостинице, в Южной Индиане. Уж как там мы накануне спрыгнули с поезда, я и описывать не берусь. Страшное дело – он несся так быстро, что из окна вагона нам чудилось, будто мы видим салун, а когда пришли в себя, то обнаружилось, что это разные вещи в двух кварталах одна от другой: аптека и цистерна с водой.

Зачем нам понадобилось прыгать на полном ходу? Ну, тут были замешаны часики из поддельного золота и партия брильянтов из Аляски, от которых нам не удалось отделаться по ту сторону границы штата.

Значит, проснулся я и слышу – где-то кричат петухи, а в воздухе пахнет чем-то вроде смеси азотной и соляной кислот. Тут что-то увесистое шмякнулось об пол в нижнем этаже, и послышалась ругань.

– Эй, Энди, – говорю я, – ну-ка веселее! Мы же в деревне. Там, внизу, кто-то швырнул для пробы слитком чистого фальшивого золота. Идем и получим с фермера то, что нам причитается по всем правилам. Кинем его слегка – и привет.

Фермеры всегда служили мне чем-то вроде резервного фонда. Чуть дела пошатнутся, я отправляюсь на ближайший перекресток, цепляю фермера на ходу за подтяжку, выкладываю ему свои предложения, бегло осматриваю его имущество, возвращаю ключ, брусок для точки косы и бумаги, имеющие цену для него одного, и удаляюсь восвояси. Конечно, фермеры как дичь для нас были мелковаты, обычно мы занимались делами посерьезнее, но порой и они пригождались, как акулам с Уолл-стрита бывает на пользу министр финансов.

Спустившись вниз, мы обнаружили, что находимся в самой натуральной земледельческой округе. В двух милях на горке торчал в тени деревьев большой белый дом, а вокруг него толпились флигели, амбары, коровники, выгоны и прочее.

– Чья это усадьба? – спросили мы у хозяина гостиницы.

– Это, – отвечает он, – резиденция, а также лесные, земельные, садовые и луговые угодья мистера Эзры Планкетта, одного из самых уважаемых граждан.

После завтрака мы с Энди, оставшись с восемью центами наличных, принялись составлять гороскоп этого латифундиста.

– Я пойду к нему один, – наконец объявил я. – Мы вдвоем против одного фермера – это неспортивно. Все равно что стрелять по кроликам картечью.

¹⁴ Цена товара, объявляемая продавцом или покупателем.

¹⁵ Решение чего-либо голосованием.

– Ладно, – согласился Энди. – Я тоже люблю честную игру – даже когда играю с огородниками. Так на какую приманку ты собираешься изловить этого Планкетта?

– Никакой разницы, – говорю я. – Сойдет любая. Я, пожалуй, прихвачу с собой квитанции, подтверждающие уплату подоходного налога, рецепт для приготовления клеверного меда из творога и яблочной кожуры и бланки заказов на носилки Мак-Горни, которые потом оказываются косилкой Мак-Кормика. Да еще карманный слиток золота и жемчужное ожерелье – то самое, что мы с тобой нашли в вагоне, и...

– Этого хватит, – говорит Энди. – Но будь внимателен, Джефф, чтобы этот кукурузник не всучил тебе грязные и мятые купюры. Просто позор для департамента земледелия и министерства финансов – какими только паскудными бумажками расплачиваются некоторые фермеры.

Иду я на городскую конюшню и арендную двуколку, благо платы вперед с меня не берут ввиду приличной наружности. Подкатываю к ферме, привязываю лошадь. Вижу – на ступенях крыльца сидит какой-то фатоватый субъект в белоснежном костюме, розовом галстуке, с перстнем на пальце и в спортивной кепчонке. «Должно быть, приезжий», – думаю про себя. Спрашиваю:

– Как бы мне повидать мистера Эзру Планкетта?

– Вот он перед вами, – отвечает этот тип. – А вам чего?

Я молчу. Стою столбом и повторяю про себя куплеты из водевиля о деревне, там еще говорится о «человеке с лопатой». Вот это, значит, он и есть. А когда я присмотрелся к этому фермеру в розовом галстуке, то окончательно понял, что выбить из него монету с помощью тех пустячков, что я прихватил с собой, все равно что пытаться разнести вдребезги сейф Первого Национального банка при помощи рождественской хлопушки.

Он смерил меня взглядом и говорит:

– Ну, рассказывайте, с чем прибыли. Вижу: левый карман вашего пиджака чересчур оттопырен. Там ведь золотой слиток, верно? Давайте его сюда, мне как раз нужны кирпичи. Предупреждаю – байки о затерянных серебряных рудниках меня не интересуют.

Чувствуя себя безмозглым дураком, я все-таки вытащил из кармана свой слиток, тщательно завернутый в платок. Он взвесил его на ладони, пожевал губу и говорит:

– Доллар восемьдесят центов. Устроит?

– Свинец, из которого сделано это золото, и тот стоит дороже, – стараясь не терять достоинства, я вернул слиток на место.

– Как будет угодно. Я хотел купить его для коллекции, которую начал составлять, – говорит фермер. – На прошлой неделе я уже приобрел отличный экземпляр. Просили за него пять тысяч долларов, а уступили за два доллара и десять центов.

Тут в доме зазвонил телефон.

– Да вы проходите, – говорит фермер. – Посмотрите, как я тут устроился. Иногда мне бывает скучно в одиночестве. Это, надо полагать, из Нью-Йорка беспокоят.

Ну, мы вошли. Мебель в комнате, как у биржевика с Уолл-стрит, дубовые конторки, два телефона, кресла и кушетки, обитые испанским сафьяном, картины маслом в позолоченных рамах, в углу – телеграф отстукивает котировки.

– Хэлло-оу! – кричит фермер. – Риджент-тиэтр? Это Планкетт из имения «Сентрал Хонисакл». Забронируйте за мной четыре кресла в первом ряду – пятница, вечерний спектакль. Да-да, те, что обычно. Всего наилучшего!

– Каждые две недели мотаюсь в Нью-Йорк проветриться, – поясняет фермер, вешая трубку. – Сажусь в Индианаполисе в вечерний экспресс, провожу десять часов на Бродвее и возвращаюсь домой через сорок восемь часов.

И то сказать: первобытный фермер пещерного периода малость приоделся и пообтесался за последние годы. Вы не согласны?

Только я открыл было рот, чтобы прокомментировать некоторые отступления от старых добрых аграрных традиций, как снова затрезвонил телефон.

– Хэлло-оу? – говорит фермер. – А-а, это вы, Перкинс... Я уже говорил вам, что восемьсот долларов за этого жеребца – слишком много. Конь при вас? Хорошо, покажите мне его... Как? Очень просто: отойдите от аппарата и пустите его рысью по кругу. Быстрее, еще быстрее... Да, я слышу... Еще надайте... Хватит. Давайте его к телефону. Ближе... И помолчите минуту. Нет, я не беру его. Что?.. Нет. И даром не возьму. Он хромает, и вдобавок с запалом. Прощайте, Перкинс.

– Ну-с, почтенный, – обращается он ко мне, – теперь убедились, что вы просто ископаемое? Современного агрария с налету не возьмешь. Вот, полюбуйте, как мы, деревенщина, стараемся не отстать от жизни.

И тащит меня к столу. На столе у него машинка, а у машинки две такие штуковины, которые вставляются в уши. Вставляю, слушаю. Женский голос, довольно приятный, зачитывает сводки убийств, несчастных случаев и прочих тонкостей политической жизни.

– То, что вы слышите, – поясняет фермер, – это подборка сегодняшних новостей из газет Нью-Йорка, Чикаго, Сент-Луиса и Сан-Франциско. Их сообщают по телеграфу в местное Бюро последних известий и подают подписчикам с пылу с жару. Здесь, на этом столе, самые свежие и авторитетные газеты и журналы Америки. А также выдержки из будущих журнальных статей.

Беру один листок и читаю: «Корректуры будущих статей. В июле 1909 года журнал «Сенчури» предполагает опубликовать...» – ну и так далее.

Тем временем фермер звонит, должно быть, управляющему, приказывает продать джерсейских баранов – пятнадцать голов – по шестьсот долларов и доставить на станцию еще двести бидонов молока для молочного экспресса. Потом предлагает мне сигару, достает бутылку шартреза и косится на ленту своего телеграфа.

– Газовые акции поднялись на два пункта, – сообщает он. – Неплохо.

– А может быть, вас медь интересует? – спрашиваю я.

– Осади! – рывкает он. – А не то кликну собак. Я же сразу сказал: не тратьте времени зря на эти штучки. Вам, молодчик, меня не надуть.

Проходит несколько минут, и он вдруг говорит:

– А не кажется ли вам, почтенный, что вам пора покинуть мой дом? Я был рад с вами побеседовать, но у меня куча срочных дел: я должен закончить для одного издания статью «Призрак коммунизма», а ближе к вечеру отправиться на заседание президиума Ассоциации по улучшению качества беговых дорожек. Да и вам не стоит тратить время – ведь вы уже убедились, что ни в какие ваши снадобья я не верю.

Ну что мне оставалось делать, сэр? Вскочил я в свою тележку, и лошадь сама привезла меня в гостиницу. Я кинулся к Энди, который валялся у себя в номере. Рассказываю ему слово в слово о моем свидании с продвинутым фермером и никак не могу прийти в себя. В голове – ни одной дельной мысли.

– Не знаю, что и придумать, – говорю я и, чтобы мой позор не так колол глаза, начинаю напевать какую-то дурацкую песенку.

Энди расхаживает взад и вперед по номеру и покусывает ус, как делает всегда, когда в голове у него начинает созревать какой-то план.

– Джефф, – произносит он наконец. – Не сомневаюсь – все, что ты рассказал об этой рафинированной деревенщине, правда. Но ты меня не убедил. Не может такого быть, чтобы в этом Планкетте не осталось ни капли первобытной дури, потому как это явная измена тем целям, для которых его предназначил сам Господь. Скажи-ка, Джефф, тебе не приходилось раньше замечать во мне глубокой религиозности?

– Да как тебе сказать, – уклончиво отвечаю я, чтобы не задеть его чувства, – мне доводилось встречать немало людей глубоко верующих, у которых их вера проступала наружу в таких микроскопических дозах, что, если потереть их чистой салфеткой, на ней не осталось бы ни пятнышка.

– Надо тебе знать, что я всю жизнь занимался углубленным исследованием природы, начиная с самого сотворения мира, – продолжает Энди, – и потому твердо верую, что каждая тварь создана с определенной целью. Фермеров Господь также сотворил неспроста: их высшее предназначение заключается в том, чтобы сытно кормить, поить и одевать джентльменов, подобных нам с тобой, то есть наделенных мозгами. Я убежден, что манна, которой иудеи сорок дней питались в пустыне, – не что иное, как символическое обозначение фермеров; и так оно и осталось. А теперь я проверю первый закон Таккера: «Коль ты родился фермером, останешься в дураках». Именно так, несмотря на всевозможные штучки, которыми наша прогнившая цивилизация наделила сельских жителей.

– Ох, – говорю я, – как бы и тебе не остаться с носом. Этот фермер даже не пахнет овчарней. И к тому же укрылся за целой баррикадой из последних достижений электротехники, образования, литературы и философии.

– Попытка не пытка, – отвечает Энди. – Есть такие законы, которые не в силах отменить даже служба бесплатной доставки на дом в сельской местности.

Тут Энди удаляется в чуланчик и выходит оттуда в клетчатом костюме – клетки на нем бурые и желтые, и каждая величиной с ладонь землекопа. Завершает все это великолепие черный цилиндр и алый жилет в синюю крапинку. Усы у него вообще-то пшеничные, а тут, смотрю, – фиолетовые, будто он обмакнул их в чернила.

– Матерь Божия! – говорю я. – Что это ты так принарядился? Точно цирковой фокусник, хоть сейчас на арену.

– Ладно-ладно, – отвечает Энди. – Погоди зубоскалить. Тележка у крыльца? Жди меня здесь, много времени это не займет.

Спустя два часа входит он в номер и выкладывает на стол пачку долларов.

– Восемьсот шестьдесят, – произносит он, пока я возвращаю на место свою отвисшую челюсть. – А дело было так. Планкетт оглядел меня с ног до головы и начал издеваться. Я, не произнося ни слова, достаю из кармана три скорлупки от грецкого ореха и начинаю катать по столу горошину. Потом, посвистев, произношу древнюю формулу: «Ну, джентльмены, подходите поближе и взгляните на этот маленький шарик. Ведь это не будет стоить вам ни цента. Сейчас он здесь, а вот его уже нету. Ну-ка, отгадайте, где он теперь. Ловкость рук – и никакого мошенничества».

Говорю, а сам не свожу глаз с фермера. У него даже пот на лбу выступил. Он идет, как во сне, и, не отрываясь, смотрит на скорлупки. А потом произносит: «Ставлю двадцать долларов, что знаю, под какой спрятана ваша горошина. Вот под этой...»

Дальше и рассказывать нечего. У него было при себе всего восемьсот шестьдесят долларов наличными. Когда я уходил, он провожал меня до самых ворот. На прощанье он долго тряс мою руку и со слезами на глазах сказал: «Дорогой мой, спасибо тебе! Уже много лет я не получал такого удовольствия. Твоя игра в скорлупки напомнила мне те невозвратные годы, когда я был еще не земельным магнатом, а простым фермером. Всего тебе наилучшего».

Тут Джефф Питерс умолк.

– Так вы думаете... – начал было я.

– Именно, – перебил меня Джефф, – именно так. Пусть фермеры идут себе по пути прогресса и даже занимаются политикой. Житье-то на ферме монотонное, а в скорлупки им приходилось играть и прежде.

Кафедра филантроматематики

– Глядите-ка, – воскликнул я, – вот уж поистине королевский жест: некто пожертвовал на образовательные учреждения чуть ли не пятьдесят миллионов долларов!

Я просматривал хронику в вечерней газете, а Джефф Питерс набивал свою любимую трубку из корня вереска.

– По такому случаю, – сказал он, – не грех бы нам распечатать новую колоду и устроить вечер хоровой декламации силами студентов факультета филантроматематики.

– На что это вы намекаете? – поинтересовался я.

– А разве я не рассказывал вам, – отозвался Джефф, – как мы с Энди Таккером занимались филантропией¹⁶? Было это лет восемь назад в Аризоне. Мы разъезжали в фургоне по горным ущельям – искали серебро. В конце концов нашли – и продали свою заявку в городе Таксон за двадцать пять тысяч долларов. Банк выплатил нам эту сумму серебряной монетой – по тысяче долларов в мешке. Погрузили мы эти мешки в свой фургон и понеслись на восток как безумные.

В себя мы пришли только тогда, когда отмахали первую сотню миль. Двадцать пять тысяч долларов кажутся сущей чепухой, когда читаешь годовой отчет совета директоров Пенсильванской железной дороги или слушаешь, как актеры болтают о своих гонорах. Но если ты можешь когда угодно приподнять парусину фургона, пнуть сапогом первый попавшийся мешок и тот отзовется серебряным звоном, то поневоле почувствуешь себя отделением банка в ту пору, когда операционный день в полном разгаре.

На третьи сутки мы вкатились в городишко – самый аккуратный и ухоженный из тех, которые когда-либо создавали природа и издатели туристических проспектов. Он лежал у подножия горы среди рощ и цветников, а все его две тысячи жителей оказались приветливыми и полусонными. Назывался он Флоресвилль, или вроде того, и еще не был загажен ни железными дорогами, ни туристами из восточных штатов.

Первым делом мы положили наши деньги на счет в местном банке и сняли номер в гостинице «Небесный вид». После ужина сидим, покуриваем; тут-то меня и осенило: а почему бы нам не заделаться филантропами? Эта мысль рано или поздно посещает каждого жулика. Когда человек облегчил ближних на приличную сумму, ему становится не по себе и так и подмывает вернуть хотя бы часть награбленного. И если понаблюдать за ним внимательно, то выяснится, что его благодеяния направлены как раз на тех, кого еще недавно он ободрал как липку. Предположим, некто нажил миллионы, продавая керосин малоимущим преподавателям и студентам, которые изучают экономику и методы управления корпорациями. Так вот, те доллары, которые давят на его совесть, он непременно пожертвует университетам и колледжам.

Возьмем другой случай. Некто нажился, беспощадно эксплуатируя рабочих, у которых все имущество – руки да инструмент. Как ему переправить часть своих неправедных миллионов в карманы их комбинезонов?

– Я, – восклицает он, – сделаю это во славу науки. Я погрешил против рабочего класса, но недаром говорят, что милосердие искупает многие грехи.

И он принимается строить библиотечные здания стоимостью в восемьдесят миллионов долларов, и единственные, кому от этого польза, – маляры да каменщики, работающие на этой стройке.

– А где же книги? – интересуются библиофилы.

¹⁶ Помощь неимущим, благотворительность.

– А мне-то откуда знать! – отвечает этот некто. – Я обещал вам библиотеки – получите. Если б я предложил вам подмоченные акции стального треста, вы что, потребовали бы и воду из них в хрустальных графинах? Проваливайте-ка отсюда, да поживее!..

Но я и сам из-за такой уймы деньжищ подцепил скверную болезнь – филантропит. Впервые у нас с Энди образовался такой капитал, что нас просто оторопь брала. Мы даже призадумались – как же так получилось.

– Энди, – говорю я, – мы с тобой теперь люди состоятельные. Конечно, состояние у нас не громадное, но и мы люди скромные. И знаешь – хотелось бы что-нибудь эдакое преподнести человечеству.

Энди кивает:

– Ты прав, Джефф. У меня тоже такое чувство. Всю жизнь мы с тобой были прожженными жуликами, как только не надували честной народ. Всучивали ему самовоспламеняющиеся целлулоидные воротнички, наводнили всю Джорджию пуговицами с портретами президента Хоука Смита, а такого президента и в помине не было. Я бы тоже внес свой пай в это предприятие по искуплению грехов. Но куда можно истратить эти деньги? Устроить бесплатную столовку для бедных или послать тыщи две в министерство финансов?

– Ни то, ни другое, – говорю. – У нас слишком много денег, и мы не вправе подавать жалкую милостыню; для полного же возмещения причиненных нами за все годы убытков нашего капитала все равно не хватит. Думаю, надо нам выбрать средний путь.

На следующее утро, прогуливаясь по Флоресвиллю, вдруг видим: стоит на холме какая-то кирпичная махина, и вроде бы пустая. Интересуемся у прохожих: что да как? И нам объясняют – один владелец шахты лет пятнадцать назад вознамерился построить на этой горке резиденцию. А как выстроил, то оказалось, что на меблировку у него осталось два с половиной доллара. Вложил он этот капитал в бутылочку виски, ополовинил ее, взобрался на конек кровли да и кинулся головой вниз.

Посмотрели мы на здание, и как по команде оба подумали: а что если мы нафаршируем его электрическими лампочками, чернильницами, перочистками и профессорами, поставим на лужайке статую Геркулеса и чугунного пса и откроем лучшее в мире бесплатное образовательное заведение?

Потолковали мы с самыми почтенными флоресвилльцами, и тем эта идея пришлась по вкусу. По этому случаю был устроен роскошный банкет в пожарном сарае – и там мы впервые выступили в качестве меценатов и благодетелей человечества, поборников просвещения и прогресса. Энди даже сказал речь часа на полтора об успехах орошения в дельте Нила, а потом завели граммофон, слушали духовные гимны и распивали ананасный шербет.

Словом, нас обуяло настоящее филантропическое безумие, и мы не теряли времени зря. Всех, кто был способен отличить молоток от косы, мы завербовали в рабочие и взялись за ремонт. Оборудовали лаборатории и классные помещения, потом отбили телеграмму в Сан-Франциско, и нам прислали вагон школьных парт, футбольных мячей, учебников арифметики, ручек, перьев, словарей, преподавательских кафедр, грифельных досок, учебных скелетов, губок, а к ним – двадцать семь мантий и шапочек для студентов старшего курса. Теперь у нас было все, что полагается иметь первоклассному университету.

Еженедельники печатали наши портреты, а мы тем временем отбили телеграмму в Чикаго, чтобы нам выслали экстренным поездом шестерых профессоров: по английской словесности, по самоновейшим мертвым языкам, по химии, по политической экономии, по логике и еще одного, который знал бы итальянский язык, музыку и был бы заодно выдающимся живописцем. Банк гарантировал выплату жалованья – до восьмисот долларов в год.

В конце концов все у нас пошло на лад. Над главным входом появилась надпись, высеченная в камне: «Всемирный университет. Попечители и владельцы – Питерс и Таккер». И к первому сентября стали слетаться наши гуси-лебеди. Сначала прибыли профессора. Были

они почти все молодые, очкастые, рыжие и обуреваемые честолюбием и голодом. Мы с Энди расселили их и стали поджидать студентов.

Те прибывали толпами. Мы разместили статьи об университете во всех газетах штата, и двести девятнадцать желторотых юнцов отозвались на трубный глас, призывавший их к бесплатному образованию. Они перелицевали и перетянули весь этот городок, как старый диван, и стал он – чисто твой Гарвард.

Студенты маршировали по улицам с университетскими флагами голубого с ультрамариновым цветом, Энди обратился к ним с речью с балкона гостиницы – словом, весь город ликовал.

Только пару недель спустя профессорам удалось загнать весь этот горластый народ в аудитории. Мы с Энди приобрели цилиндры и стали делать вид, что избегаем встреч с репортерами «Флоресвилльских новостей». У этой газеты имелся также фоторепортер, который снимал нас всякий раз, как мы появлялись на улице. Энди дважды в неделю читал в университете лекции, а потом, бывало, и я поднимусь да и расскажу какую-нибудь историйку.

Энди увлекся филантропией не меньше меня. Бывало, проснемся ночью и давай строить новые планы – что бы еще такого выдающегося нам предпринять.

– Энди, – говорю я однажды, – мы прозевали крайне важную вещь. Надо бы нам организовать для наших молокососов дромадеры.

– А что это такое? – вопрошает Энди.

– А это то, где спят, – говорю я. – Есть во всех приличных колледжах.

– Ты говоришь о пижамах? – удивился Энди.

– Нет, о дромадерах.

Мы не организовали никаких дромадеров. Я имел в виду такие длинные спальни в закрытых учебных заведениях, где студенты спят аккуратно, рядами. Теперь-то я знаю, что зовутся они дортуарами.

Да, сэр, не покривлю душой – наш университет имел неслыханный успех. Флоресвилль процветал: ведь у нас были студенты из пяти штатов. Открылись новый тир, ссудная касса, парочка новых пивных. Студенты сочинили университетский гимн:

Ро, ро, ро,
Цы, цы, цы,
Питерс, Таккер
Оба молодцы!
Ва, ва, ва,
Ра, ра, ра,
Университету —
Гип, гип, ура!!!

Славный был народ, эти сосунки; мы с Энди гордились ими, словно сами произвели на свет.

Но вот как-то в конце октября приходит ко мне Энди и с задумчивым видом спрашивает, известно ли мне, сколько у нас капитала осталось на счету. Я говорю: по-моему, тысяча шестнадцать. А Энди на это говорит:

– Весь наш баланс на сегодняшний день составляет восемьсот двадцать один доллар и шестьдесят два цента.

– Как ты сказал? – реву я нечеловеческим голосом. – Неужели эти проклятые сыны конокрадов, эти дубоголовые олухи, эти заячьи уши, эти собачьи хвосты, эти куриные мозги высосали из нас такую прорву денег?

– Именно, – отвечает Энди. – Именно это я имею в виду.

– Тогда к дьяволу всю эту филантропию, – говорю я.

– Зачем же к дьяволу? – ухмыляется Энди. – Если заниматься филантропией на прочной коммерческой основе, она приносит неплохую прибыль. Я помозгую об этом на досуге.

Минула еще неделя. Беру я как-то ведомость уплаты жалования нашим профессорам и вижу в ней незнакомое имя: некий Джеймс Дарнли Мак-Коркл, профессор кафедры математики, оклад – сто долларов в неделю.

– Это что такое! – ору я. – Профессор математики с жалованьем пять тысяч в год? Как такое могло произойти? Или он, как домушник, влез в форточку и сам себя назначил на эту кафедру?

– Ничего подобного, – отвечает Энди, – я вызвал его из Сан-Франциско неделю назад. Занимаясь делами, мы совершенно упустили из виду кафедру математики.

– И превосходно! – кричу я. – На кой она нам сдалась? У нас капитала ровно столько, чтобы выплатить ему жалованье за две недели, а после того всей нашей филантропии будет та же цена, что девятой лунке на поле для гольфа.

– Вот это ты напрасно, – отвечает Энди. – Все еще может наладиться. Еще раз повторю – сдается мне, что, если правильно подойти к коммерческой стороне образования, картина быстро изменится. Недаром же все филантропы и меценаты – люди очень и очень состоятельные. Мне давно следовало углубленно поразмыслить об этом и сделать правильные выводы.

Мне ли не знать, что Энди собаку съел в вопросах экономики, поэтому я предоставил ему заниматься университетскими финансами. И правда: университет процветал как ни в чем не бывало, цилиндры наши лоснились, и Флоресвилль продолжал оказывать нам такие почести, будто мы миллионеры, а не жалкие прогоревшие жулики.

Студенты по-прежнему наводняли весь городок и способствовали его процветанию. Приехал какой-то человек из соседнего города, открыл крохотный игорный домик в каморке над конюшней и каждый вечер загребал кучу денег. Мы с Энди тоже посетили его заведение и поставили доллар-другой на карту. В заведении было не меньше полусотни наших студентов, все они хлестали пунш и двигали по ломберным столам целые столбики синих и красных фишек.

– Черт побери, – заметил я, – эти безмозглые тупицы, охочие до бесплатной науки, щеголяют в шелковых носках и легко расстаются с такими деньгами, каких мы с тобой годами не видывали. Ты только взгляни, какие толстенные пачки купюр они извлекают из своих карманов!

– Да, – отвечает Энди. – Печальное зрелище. Многие из них – сыновья богатых горнопромышленников и землевладельцев. Прискорбно, что они тратят время и деньги, заработанные их отцами, на столь недостойное занятие.

Когда наступили рождественские каникулы, наши студенты разъехались по домам. Мы устроили в университете прощальную вечеринку. Энди прочел лекцию «Современная музыка и древняя литература островов Эгейского архипелага». Профессора обратились к нам с приветственными речами, сравнивая нас то с Рокфеллером, то с императором Марком Автоликом.

Но тут я ударил кулаком по столу и потребовал позвать профессора Мак-Коркла; однако его на вечеринке не оказалось. А я был бы совсем не прочь взглянуть на человека, который, как уверял меня Энди, стоит того, чтобы платить ему сто долларов в неделю.

Студенты отбыли вечерним поездом; Флоресвилль опустел. Я вернулся в гостиницу, увидел, что в номере у Энди еще горит свет, толкнул дверь и вошел.

Энди восседал за столом. Тут же находился и содержатель игорного дома. А заняты они были тем, что делили кучу денег фута¹⁷ в два высоты. Куча эта состояла из пачек, а каждая пачка – из бумажек по пятьсот долларов.

– Ну вот! – говорит Энди. – Теперь все правильно: по тридцати одной тысяче в каждой пачке... А-а, это ты, Джефф! Подходи, не стесняйся. Это наша доля от выручки за первый семестр во Всемиром университете. Теперь ты можешь убедиться, что филантропия, если правильно к ней подойти, оказывает благодеяния не только берущему, но и дающему.

– Волшебное зрелище, – говорю я. – Да ты, Энди, чисто доктор всех наук!

– Доктор не доктор, а утренним поездом придется нам отсюда уезжать, – говорит Энди. – Иди-ка, Джефф, собери воротнички, манжеты и газетные вырезки.

– Дело недолгое, – говорю я. – А все же, Энди, хотел бы я познакомиться с этим твоим профессором Джеймсом Дарнли Мак-Корклом.

– Проще простого, – говорит Энди и поворачивается к содержателю игорного дома. – Джим, – продолжает он, – знакомься: перед тобой мистер Джефферсон Питерс.

¹⁷ Равен 0,3 м.

Рука, терзающая мир

– Многие великие люди, – сказал я, уж и не помню, по какому поводу, – признавались, что своими успехами они обязаны женщинам.

– Да, – сказал Джефф Питерс. – Мне приходилось читать о Жанне д’Арк и других замечательных дамах. Но от женщин нашего времени никакого толку ни в бизнесе, ни в политике. Мужчины сегодня лучше готовят, лучше стирают, лучше гладят. Они и сиделки, и прислуга, и парикмахеры, и стенографы, и клерки в офисах. Единственное дело, в котором мужчины уступают женщинам, – это исполнение женских ролей на сцене.

– А мне казалось, что женская интуиция и хитрость оказывали вам неоценимые услуги в вашей... э-э... профессии.

– Да-да, – энергично закивал Джефф, – всем так кажется. А на поверку женщина – худший помощник в нашем деле. В то самое время, когда вы больше всего на нее полагаетесь, она ни с того ни с сего вспоминает о чести и порядочности и губит все на свете. Я испытал это на собственной шкуре.

Билли Хамбл, мой приятель, с которым я сдружился еще на Среднем Западе, вбил себе в голову странную идею: дескать, правительство Соединенных Штатов должно назначить окружным шерифом не кого-либо, а именно его. В ту пору мы с Энди продавали трости с резными набалдашниками. Если вам случалось отвинтить набалдашник и приложить трость к губам, прямо в рот вам выливалось полпинты¹⁸ доброго пшеничного виски.

Разумеется, полиция и тут совала нос в наши дела, и когда Билл сообщил мне, что намерен заделаться шерифом, я тут же сообразил, что на этом посту он может принести массу пользы фирме «Питерс и Таккер».

– Джефф, – говорит мне Билли, – ты человек не без образования, и в голове у тебя всякие сведения касательно не только основ и фактов, но и выводов.

– В самую точку, – говорю я, – и я об этом никогда не жалел. Я не из тех, кто считает образование бросовым товаром и голосует за бесплатное обучение. Вот ты ответь, Билли, – что ценнее для человечества: классическая литература или скачки на ипподроме?

– Ну-у... это... в общем, хорошие лошади, конечно... нет, то есть я хочу сказать, что поэты и всякие там романисты – они, конечно, на две головы впереди, – отвечает Билл.

– Вот! – говорю я. – А раз так, почему наши власти берут с нас по два доллара за вход на ипподром, а в библиотеки пускают бесплатно? Можно ли, – говорю, – считать это созданием правильных представлений об относительной ценности самообразования и выбрасывания денег на ветер?

– Не догоняю я всю эту твою риторику и логику, – говорит Билли. – Мне требуется, чтобы ты смотался в Вашингтон и выхлопотал мне место окружного шерифа. У меня, знаешь ли, нет никаких способностей к интригам и переговорам. Я человек простой и желаю получить это место. Я участвовал в войне, детей у меня девять душ, я член республиканской партии, хотя не умею ни читать, ни писать. Так почему я не гожусь в шерифы? Сдается мне, что мистер Таккер тоже человек образованный и может пригодиться в столице. Я вам выдам авансом тысячу долларов на проезд, выпивку, взятки и трамвайные билеты. А если вы мне все это обстряпаете, получите еще тысячу, а кроме того – возможность целый год свободно продавать на территории округа свои наспиртованные контрабандные трости.

Рассказал я об этом разговоре Энди, и Биллова идея ему жутко понравилась. Энди, скажу я вам, сложная натура. Он не из тех, кого вполне устраивает шататься по захолустным городишкам и фермам и всучивать деревенщине комбинацию из молотка для отбива-

¹⁸ То есть 0,24 л.

ния бифштексов, рожка для ботинок, щипцов для завивки, пилочки для ногтей, шинковки, коловорота и камертона. У Энди душа истинного художника, и не коммерция стоит в ней на первом месте. Поэтому мы приняли предложение Билла и понеслись в Вашингтон.

Прибыв на место, мы остановились в гостинице, и там я говорю:

– Вот, Энди, первый раз в жизни мы собираемся совершить по-настоящему бесчестный поступок. Нам еще никогда не приходилось подкупать сенаторов, но ради Билла придется пойти и на эту низость. В делах торговых можно слегка смошенничать, но в этом грязном деле лучше всего – прямота. Карты на стол, и никаких оговорок. Предлагаю следующее: давай-ка мы вручим пятьсот долларов председателю избирательного комитета, возьмем с него квитанцию, положим ее на стол президенту и расскажем про Билла. Уверен, что президент сумеет оценить кандидата, который стремится получить должность с истинным простодушием, а не гробит время на кулуарные интриги.

Энди как будто согласился, но, обсудив мое предложение с одним из коридорных в гостинице, пошел на попятный. Потому что в Вашингтоне существует только один способ получить желаемое: действовать через женщину, имеющую связи в Сенате. Он дал нам адрес миссис Эвери. Коридорный божился, что она очень важная персона в дипломатических кругах и даже выше.

На следующее утро мы с Энди отыскивали ее особняк и были допущены в приемную.

Миссис Эвери была чисто бальзам для глаз. Волосы у нее оказались золотистыми, глаза голубыми, а вся система красоты так отлажена, что девицы с журнальных обложек рядом с ней показались бы поварами с дровяной баржи. Платье у нее было декольтированное, усыпанное блестками, в ушах и на пальцах сверкали бриллианты. Одной рукой она держала телефонную трубку, а другой – чайную чашку.

Прошло малость времени, и она говорит:

– Ну, дорогие мои, что вам угодно?

Я объяснил, зачем мы пришли и сколько готовы заплатить.

– Дело это несложное, – отвечает она. – На Среднем Западе легко назначить кого угодно и куда угодно. Так, кто тут может нам пригодиться? С депутатами связываться без толку. По моему, нам нужен сенатор Снайпер: он и сам оттуда, с Запада. Посмотрим, каким знаком он помечен в моей картотеке...

Тут она вынимает из ящичка, обозначенного буквой С, какие-то карточки.

– Действительно, – говорит она, – отмечен звездочкой, а это означает – готов к сотрудничеству. Ну-ка, что тут у нас? «Возраст – пятьдесят пять; женат вторым браком; вероисповедание – пресвитерианин; предпочтения – блондинки, Лев Толстой, покер и жаркое из черепахи, после второй бутылки становится слезлив». Что ж, я думаю, мне удастся назначить вашего приятеля мистера Баммера посланником в Бразилию.

– Не Баммера, а Хамбла, – говорю я. – И не посланником, а окружным шерифом.

– Ах, прошу прощения, – говорит миссис Эвери. – У меня такая масса подобных дел, что иногда можно и перепутать. Давайте-ка все, что касается вашего дела, мистер Питерс, и приходите дня через четыре. Думаю, к тому времени все будет в порядке.

Вернулись мы с Энди в гостиницу. Я сижу, а Энди расхаживает по номеру и грызет кончик своего левого уса.

– Женщина большого ума и при этом красавица-блондинка – редкое сочетание, Джефф, – вдруг произносит он.

– Такое же редкое, – говорю, – как оmlет из яиц той легендарной птицы, которую зовут эпидермис.

– Эпиорнис, – поправляет Энди. – Такая женщина может обеспечить мужчине роскошную жизнь и славу.

– Вряд ли. Самое большее, чем женщина может помочь мужчине в политике, это вовремя приготовить ему ужин или распустить слухи о жене другого кандидата, что та в прошлом воровала в бакалейных лавках.

– Мне известно, – продолжаю я, – что иногда женщина и в самом деле выступает в качестве проводника амбиций своего мужа. Но чем это кончается? Допустим, живет себе человек тихо-мирно, у него приличное место – либо консула в Афганистане, либо смотрителя шлюза на канале Делавэр – Раритан. И вот в некий день этот человек замечает, что его жена надевает непромокаемые башмаки, макинтош и сыплет в клетку своей канарейки трехмесячный запас корма. «На курорт собралась?» – в глазах у него вспыхивает пламя надежды. «Нет, Артур, – отвечает она, – в Вашингтон. Хватит нам прозябать в захолустье. Ты должен стать Чрезвычайным и Полномочным Лизоблюдом при дворе державы Сент-Бриджет или Главным Портье острова Пуэрто-Рико. И я костыми лягу, но выхлопочу тебе эту должность».

– И вот эта леди, – говорю я, не сводя глаз с Энди, – вступает в схватку с федеральными властями, не имея на вооружении ничего, кроме связки писем, которые писал ей один из членов кабинета министров, когда ей было лет пятнадцать, рекомендательного письма от бельгийского короля Леопольда Смитсонианскому институту и шелкового розового платья в желтый горошек.

А дальше она публикует эти письма в газетах, таких же желто-розовых, как ее платье, читает лекции на званом обеде и наконец добивается приема у президента. Девятый помощник министра торговли и труда, первый адъютант Синего кабинета и некий неустановленный чернокожий ждут ее с нетерпением, и как только она появляется в приемной, хватают за руки... и, соответственно, за ноги. Они выносят ее, доставляют на одну из Юго-Западных улиц и кладут на люк угольного подвала. Тем дело и кончается. Следующее, что мы узнаем об этой леди, – она засыпает китайского посланника открытками с просьбой предоставить ее Артуру местечко клерка в чайной фирме.

– Короче говоря, – поднимает бровь Энди, – ты не уверен, что эта самая миссис Эвери обеспечит должность шерифа нашему Билли?

– Нет, не уверен, – отвечаю я. – Не хочу выглядеть закоренелым скептиком, но сдается мне, что она способна сделать не больше, чем ты или я.

– Ну, это ты загнул, – говорит Энди. – Готов биться об заклад, что она все устроит как полагается. И с гордостью заявляю: у меня более высокое мнение о дипломатических талантах дам.

В положенный срок мы явились в особняк миссис Эвери. И на этот раз она выглядела так, что любой мужчина с радостью позволил бы ей вести всеми назначениями в Соединенных Штатах. Я едва не потерял дар речи, когда она предъявила нам бумагу, на которой красовалась большая государственная печать, а на обороте значилось крупными буквами: «Уильям Генри Хамбл».

– Вы могли бы получить этот документ еще три дня назад, дорогие мои, – с улыбкой проговорила миссис Эвери. – Раздобыть ее оказалось парой пустяков, я только открыла рот, как все было улажено... А теперь я вынуждена с вами проститься. Я отчаянно занята и надеюсь, вы меня поймете. Одного джентльмена я должна сегодня же устроить послом, двоих – консулами и еще человек десять на разные мелкие должности. Пожалуйста, по возвращении домой передайте мой поклон мистеру Хамблу.

Мы вручили этой даме пятьсот долларов, и она, даже не пересчитав, бросила их в ящик письменного стола. Я спрятал в карман бумагу с печатью, и мы откланялись.

Домой мы выехали в тот же день, перед тем отправив Билли телеграмму: «Все улажено, готовься праздновать», – и чувствовали себя на седьмом небе.

Энди всю дорогу допекал меня тем, как плохо я знаю женщин.

– Ладно, – говорю наконец. – Согласен, миссис Эвери меня удивила. Впервые вижу женщину, которая сделала то, что пообещала, к тому же в срок и ничего не перепутала.

Мы уже пересекли границу Арканзаса, и тут я вынимаю полученную нами бумагу и молча подаю Энди – для ознакомления. Он прочитал ее от первой до последней буквы и, не произнеся ни слова, вернул мне.

Там все было как полагается: гербовая бумага, государственная печать, имя написано без ошибки. Да только назначали мистера Билли Хамбла не шерифом в округе Талса, Арканзас, а почтмейстером в Дэд-Сити во Флориде.

На станции Литтл-Рок соскочили мы с поезда и отправили Билли его бумагу почтой. А сами двинулись на северо-восток, по направлению к озеру Верхнее.

С тех времен я больше никогда не встречал Билли Хамбла.

Супружество как точная наука

– Я ведь уже говорил вам, – начал Джефф Питерс, – что женский ум никогда не внушал мне особого доверия. Даже в самом безобидном жульничестве не стоит полагаться на женщин.

– Это комплимент, – возразил я. – Выходит, у женщин есть полное право считаться честнейшим полом.

– Отчего б им не быть честными, – осуждающе заметил Джефф. – На то Всевышний и создал мужчин, чтобы они жульничали ради них либо гнули спину сверхурочно. Женщины годятся в качестве партнеров по бизнесу до тех пор, пока их чувства и волосы остаются натуральными. А потом подавай им дублера – тяжеловоза с одышкой и рыжими бакенбардами, с пятью отпрысками и перезаложенным домом. Взять, к примеру, хоть ту вдову, которую мы с Энди Таккером попросили помочь нам в небольшой брачной афере в заштатном городке Каир.

Когда у вас достаточно денег на рекламу, даже не сомневайтесь, открывайте брачное агентство. На ту пору у нас было около шести тысяч долларов, и мы рассчитывали за два месяца удвоить эту сумму. Больше двух месяцев заниматься такими делами нельзя, не имея официального разрешения властей штата.

Начали мы с того, что составили объявление примерно такого содержания:

«Обаятельная вдова с капиталом в три тысячи долларов, владеющая обширным ранчо, желала бы снова выйти замуж. Состояние мужа не имеет значения, так как на первом месте для нее – любящее сердце. К тому же она убеждена, что истинная добродетель чаще встречается среди людей небогатых. Ничего не имеет против, если претендент на ее руку и сердце окажется в летах или не слишком красив – главное, чтобы он оставался ей верен и сумел разумно распорядиться капиталом.»

Интересующихся просят обращаться в брачную контору Питерса и Таккера, Каир, штат Иллинойс, на имя Одинокой».

– Недурно получилось, – заметил я. – Но где мы возьмем эту женщину?

Энди холодно взглянул на меня.

– Джефф, – сказал он, – не знал я, что ты такой сторонник реализма в искусстве. При чем тут женщина? Что ты видишь общего между брачным объявлением и какой-то там женщиной?

– Выслушай, – говорю я, – и прими к сведению. Во всех моих незаконных операциях я всегда держусь одного правила: товар должен быть налицо, чтобы его можно было в любое время предъявить покупателю. Только таким путем, а также путем внимательного изучения городского устава и железнодорожного расписания мне до сих пор удавалось избежать знакомства с полицией. Даже в тех случаях, когда пяти долларов и сигары оказывается недостаточно. Чтобы не загубить наше агентство с первых шагов, мы просто обязаны обзавестись смазливой вдовой – или товаром того же сорта – для работы с клиентами. Иначе – офис судьи.

Поразмыслив, Энди отказался от своей точки зрения.

– Ладно, – сказал он, – может, и в самом деле нам нужна вдова. Хотя бы на тот случай, если какому-нибудь ведомству взбредет в голову провести ревизию в нашем агентстве. Но где найти женщину, которая согласится тратить время на брачные игрища, которые заведомо ничем не кончатся?

Я отвечаю, что у меня на примете есть именно такая. Мой старый знакомец Зики Троттер годом раньше оставил свою жену вдовой, проглотив пинту средства от несварения желудка вместо того зелья, которым он имел обыкновение надираться. Я бывал у них в доме, и мне казалось, что эта женщина – просто находка.

До городка, где она жила, было каких-то шестьдесят миль, и я сейчас же покати туда. Миссис Троттер я обнаружил на прежнем месте, в той же лачуге, с теми же подсолнухами в палисаднике и цыплятами, разгуливающими где попало. Она вполне подходила под наше объявление, если, конечно, отвлечься от таких пустяков, как возраст, полное отсутствие денег и обаяние. Однако отталкивающего впечатления она не производила, а обработать ее было совсем несложно. Я был рад, что могу воздать дань памяти покойного приятеля, предоставив его вдове возможность немного подзаработать.

– А достойное ли дело вы затеяли, мистер Питерс? – поинтересовалась она, когда я отчасти посвятил ее в свои планы.

– Миссис Троттер! – воскликнул я с пафосом. – Мы подсчитали, что как минимум три тысячи мужчин из тех, что населяют эту обширную и безнравственную страну, прочтя объявление в газете, попытаются завладеть вашей рукой, сердцем, несуществующими деньгами и мнимым ранчо. И все они смогут предложить вам взамен лишь свое полуразрушенное тело и ленивые заgreбушие руки. Вообразите – три тысячи презренных проходимцев, жалких неудачников и прирожденных бездельников!

– Мы с Энди, – продолжаю я, – намерены дать этим паразитам жестокий урок. Именно с этой целью и основана наша корпорация под названием Всеамериканское моральное и милосердно-матримониальное агентство. Ну, теперь вы убедились, какая перед нами высокая, достойная и благородная цель?

– О да, – отвечает она, – вы, мистер Питерс, ни на что худое не пойдете. Но в чем же будут состоять мои обязанности? Неужто придется отказывать каждому из этих трех тысяч прохвостов по отдельности или мне будет разрешено отвергать их оптом – дюжинами, а может, и сотнями?

– Ваша должность, миссис Троттер, – говорю я, – будет чисто номинальной. Мы вас поселим в скромной гостинице, и больше вам делать ничего не придется. Перепиской с клиентами и делами агентства займемся мы с Энди. Но не исключено, что какой-нибудь особенно пылкий соискатель, у которого хватит средств на железнодорожный билет, явится, чтобы лично добиться вашей благосклонности. В этом случае вам придется указать ему на дверь. Ваше жалованье составит двадцать пять долларов в неделю, оплата гостиницы за наш счет.

Едва услышав это, миссис Троттер воскликнула:

– Через десять минут я буду готова! Только прихвачу пудреницу и оставлю соседям ключ от двери. Считайте, что я уже на службе!

И вот доставляю я нашу вдову в Каир и устраиваю в скромном семейном пансионе подальше от нашего агентства, чтобы не возникло ни малейших подозрений. А после этого иду и докладываю обо всем Энди Таккеру.

– Превосходно, – говорит Энди. – А теперь, когда твоя совесть успокоилась и у нас есть крючок и наживка, давай-ка приниматься за рыбную ловлю.

Мы распространили наше объявление по всей округе, и этого вполне хватило. Мы открыли счет на имя миссис Троттер и положили на него две тысячи долларов. Затем вручили ей чековую книжку, чтобы она могла демонстрировать ее маловерам. Я знал, что она женщина скрупулезно честная, и был спокоен за наши деньги.

В дальнейшем мы по двенадцать часов в сутки отвечали на письма. Почта приносила их штук по сто в день.

Мне и в голову не приходило, что на свете столько истосковавшихся по семейной жизни, но недостаточно состоятельных мужчин, которые горят желанием сочетаться браком с симпатичной вдовой и взвалить на свои плечи бремя забот о ее капитале и земельных владениях. Большинство из них честно признавались, что сидят без гроша, не имеют никаких источников дохода и что их никто не ценит. Но при этом, если верить их словам, у них

накопились такие внушительные запасы любви и прочих мужских достоинств, что вдовушка может рассчитывать стать счастливейшей из женщин.

Каждый клиент получал от агентства ответ. В нем сообщалось, что его искреннее и чрезвычайно трогательное письмо произвело на вдову глубокое впечатление. Именно поэтому она просит написать ей подробнее и приложить, если возможно, фотографию. Со своей стороны, владельцы агентства Питерс и Таккер указывали, что их гонорар за передачу второго письма в нежные ручки вдовы составляет два доллара. Упомянутую сумму следует приложить к следующему письму.

Теперь-то вы понимаете, как прост и безотказен был наш план. Девять из десяти соискателей всеми правдами и неправдами раздобыли по два доллара и прислали их в агентство. Вот, собственно, и все. Разумеется, нам пришлось потрудиться – с рассвета до заката распечатывать сотни конвертов и выуживать оттуда доллар за долларом!

Впрочем, были и особенно ретивые соискатели, которые являлись лично. Их мы отправляли прямиком к миссис Троттер, и она расправлялась с ними сама. Из этих только трое или четверо вернулись в агентство, чтобы поклянчить у нас денег на обратную дорогу. Когда же хлынул поток писем из самых глухих уголков штата, мы с Энди стали извлекать из конвертов по триста долларов в день.

Однажды в послеобеденное время, когда у нас была самая запарка и я раскладывал купюры в коробки из-под сигар, а Энди меланхолично насвистывал арию «Не для нее звонит венчальный колокол», входит к нам какой-то маленький вертлявый субъект и принимается шарить глазами по стенам, будто пытается обнаружить след украденной из музея картины Рембрандта.

При виде этого типа я испытал прилив гордости, потому что наше дело правое и придраться ни к чему невозможно.

– У вас сегодня что-то многовато писем, – ехидно замечает человечек.

– Пошли, – говорю я и нахлобучиваю шляпу. – Я покажу вам наш товар. В добром ли здоровье был мистер Рузвельт, когда вы покидали Вашингтон?

Отвел я его в пансион «Ривервью» и познакомил с миссис Троттер. Потом показал ему ее чековую книжку, где значились две тысячи долларов на счету.

– Как будто все в порядке, – неохотно говорит сыщик.

– Именно, – говорю я. – И если вы холостой человек, я позволю вам побеседовать с этой дамой. С вас мы не потребуем ни цента.

– Благодарствую, – отвечает он. – Если бы я не был обременен семейством, то, пожалуй, и рискнул бы... Всяческих благ, мистер Питерс.

К исходу третьего месяца у нас скопилось около пяти тысяч долларов, и мы решили, что пора заканчивать работу: отовсюду сыпались жалобы, да и миссис Троттер притомилась.

И вот, когда мы уже вплотную занялись ликвидацией агентства, я отправился к миссис Троттер, чтобы выплатить ей жалованье за последнюю неделю, попрощаться и забрать у нее чековую книжку с двумя тысячами долларов, временно переданных ей на хранение.

Стучу, вхожу в ее комнату и обнаруживаю, что она сидит и заливается слезами.

– Успокойтесь, – говорю я, – в чем дело? Кто-нибудь вас обидел или вы тоскуете по дому?

– О, нет, мистер Питерс, – отвечает вдова. – Вы всегда были другом Зики, и от вас я ничего не скрою. Мистер Питерс, я влюблена. Я влюблена в одного человека, да так, что просто дышать без него не могу. Это тот идеал, который стоял у меня перед глазами всю мою жизнь.

– При чем же тут слезы? – говорю я. – Хватайте его и выходите замуж на здоровье. Конечно, если в наличии взаимность. Испытывает ли ваш идеал к вам те нежные чувства, которые вы испытываете по отношению к нему?

– Да, без сомнения, – отвечает она. – Это один из тех джентльменов, которые приходили ко мне по объявлению. Но он не хочет на мне жениться, если я не принесу ему в качестве приданого эти две тысячи. Звать его Уильям Уилкинсон.

Тут она снова в слезы, хуже того – в истерику.

– Миссис Троттер, – говорю я ей, – вы не найдете человека, который больше меня уважал бы чувства женщины. Мало того – вы были спутницей жизни одного из моих лучших друзей. И если бы это зависело от меня, я бы не раздумывая сказал: берите эти две тысячи и будьте счастливы. Мы легко можем расстаться с такой суммой: из ваших поклонников мы выкачали больше пяти тысяч. Однако я должен посоветоваться с Энди Таккером. Мы с ним пайщики в равных долях. Я поговорю с ним, и мы решим, что сможем сделать для вас.

Я вернулся к Энди и выложил ему эту историю.

– Ну вот, – удрученно говорит Энди. – Я давно предчувствовал, что должно случиться что-нибудь в этом роде. Нельзя полагаться на женщину в предприятиях, в которых затрагиваются дела сердечные.

– Послушай, Энди, – говорю я, – мне будет горько сознавать, что по нашей с тобой вине вдребезги разбито женское сердце.

– Еще бы, – отвечает Энди. – Поэтому и скажу тебе, Джефф, как я намерен поступить. Характер у тебя мягкий, я же человек прозаический, сухой, где-то даже подозрительный. Но я готов пойти тебе навстречу. Возвращайся к миссис Троттер и скажи ей: пусть возьмет из банка эти две тысячи, вручит их своему избраннику и будет счастлива во веки веков.

Я вскакиваю, минут пять подряд жму Энди руку, а потом мчусь к миссис Троттер и сообщаю ей о нашем решении. Теперь она рыдает так же бурно, как только что заливалась слезами от горя.

Прошло пару дней, пока мы упаковали свои вещи и приготовились покинуть Каир.

– Тебе не кажется, что перед отъездом тебе следовало бы нанести прощальный визит миссис Троттер? – спрашиваю я у Энди. – Она была бы счастлива познакомиться с тобой и выразить тебе свою признательность.

– Я-то не прочь, – отвечает Энди. – Но, боюсь, это уже невозможно. Как бы нам на вокзал не опоздать.

В это время я как раз надевал на себя особый пояс с карманами, в которые были плотно упакованы наши доллары. Вдруг Энди вынимает из кармана пачку крупных банкнот и просит присовокупить их к прочим капиталам.

– Откуда они? – удивленно спрашиваю я.

– От миссис Троттер – отвечает он. – Две тысячи.

– Как же они оказались у тебя?

– Сама отдала, – отвечает Энди. – Я, знаешь ли, целый месяц бывал у нее по вечерам... Три раза в неделю...

– Так ты, значит, и есть тот самый Уильям Уилкинсон? – спрашиваю.

– Был, – отвечает Энди. – До вчерашнего дня.

Стриженный вол

Джефф Питерс готов спорить до упаду, как только речь у нас заходит о том, считать ли его профессию честной.

– Уж на что мы с Энди Таккером друзья, – не раз говаривал он, – но и в наших отношениях появилась крупная трещина, когда мы не смогли с ним прийти к согласию насчет моральной стороны жульничества. У него свои принципы, у меня свои. Я не всегда одобрял предлагаемые Энди проекты по взиманию с публики некоторых сумм в свою пользу, а он порой упрекал меня, что я частенько впутываю в деловые операции такую неопределенную штуку, как совесть, и таким образом причиняю нашей фирме ущерб.

Бывало, в этих спорах мы хватали лишку. Однажды в разгар дискуссии он даже заявил, что я ничуть не лучше какого-нибудь там Рокфеллера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.